



**Жизнь и удивительные приключения  
Робинзона Крузо,  
моряка из Йорка,  
прожившего двадцать восемь лет  
в полном одиночестве  
на необитаемом острове  
близ устьев реки Ориноко,  
куда он был выброшен  
кораблекрушением,  
во время которого  
весь экипаж корабля,  
кроме него, погиб,  
с изложением его неожиданного  
освобождения пиратами,  
написанные им самим.**

**Я** родился в 1632 году в городе Йорке в почтенной семье, хотя и некоренного происхождения: мой отец приехал из Бремена<sup>1</sup> и поначалу обосновался в Гулле<sup>2</sup>, затем, нажив торговлей хорошее состояние, он оставил дела и переселился в Йорк<sup>3</sup>. Здесь он женился на моей матери, которая принадлежала к старинному роду, носившему фамилию Робинзон. Мне дали имя Робинзон, отцовскую же фамилию Крейцнер англичане, по обычаю своему коверкать иностранные слова, переделали в Крузо. Со временем мы и сами стали называть себя и подписываться Крузо; так же всегда звали меня и мои знакомые.

У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку<sup>4</sup>, том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локхарт<sup>5</sup>; брат дослужился до чина подполковника и был

---

<sup>1</sup> Бремен издавна был одним из важных портовых городов северо-западной Германии. В XVII–XVIII вв. Бремен вёл оживлённую торговлю с Англией и её колониями.

<sup>2</sup> Гулль (или Халл) — город в Йоркшире на восточном берегу Англии. Расположенный в устье реки Хамбер, при впадении в море нескольких судоходных рек, Гулль являлся одним из портов, связывавших центральные области Англии с северными странами Европы.

<sup>3</sup> Йорк — древний город северной Англии, давший имя одному из самых обширных графств королевства, Йоркширу, также являлся весьма важным торговым центром.

<sup>4</sup> По трактату 1657 г. Англия должна была предоставить шесть тысяч солдат и часть своего флота для борьбы против Фландрии, принадлежавшей в то время Испании.

<sup>5</sup> Д. Дефо имеет в виду Уильяма Локхарта (1621–1676), английского дипломата, бывшего послом правительства Кромвеля во Франции, и военного деятеля. Локхарт руководил прославленным сражением под Дюнкерком, принудив к сдаче этот город 15 июня 1658 г. и разгромив стоявший здесь испанский флот. Кромвель назначил Локхарта губернатором Дюнкерка.

убит в сражении с испанцами под Дюнкерком<sup>1</sup>. Что стало со вторым моим братом — не знаю, как не знали отец и мать, что случилось со мной.

Так как в семье я был третьим сыном, то меня не готовили ни к какому ремеслу, и голова моя с юных лет была набита всякими бреднями. Отец мой, находясь уже в преклонном возрасте, позаботился, чтобы я получил вполне сносное образование в той мере, в какой его могли дать домашнее воспитание и бесплатная городская школа. Он прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и слышать не хотел ни о чём другом. Эта страсть моя к морю оказалась столь сильна, что я пошёл против воли отца, — более того, против его запретов, — и пренебрёг уговорами и мольбами матери и друзей; казалось, было что-то роковое в этом природном влечении, толкавшем меня к злоключениям, которые выпали мне на долю.

Отец мой, человек степенный и умный, догадываясь о моих намерениях, предостерёг меня серьёзно и основательно. Прикованный подагрой к постели, он позвал меня однажды утром в свою комнату и с жаром принялся увещевать. Какие другие причины, спросил он, кроме склонности к бродяжничеству, могут быть у меня для того, чтобы покинуть отчий дом и родную страну, где мне легко выйти в люди, где я могу прилежанием и трудом увеличить свой достаток и жить в довольстве и с приятностью? Отчизну покидают в погоне за приключениями, сказал он, либо те, кому нечего терять, либо честолюбцы, жаждущие достичь ещё большего; одни пускаются в предприятия, выходящие из рамок обыденной жизни, ради наживы, другие — ради славы; но подобные цели для меня или недоступны, или недостойны; мой удел — середина,

---

<sup>1</sup> Дюнкерк — укреплённый портовый город на берегу Немецкого моря, населённый преимущественно фламандцами, игравший большую роль в войнах XVII–XVIII вв. Долгое время Дюнкерк был предметом спора между Англией и Францией. В 1662 г. окончательно перешёл к Франции.

то есть то, что можно назвать высшею ступенью скромного существования, а оно, как он убедился на многолетнем опыте, лучше всякого другого на свете и более всего для счастья приспособлено, ибо человека не гнетут нужда и лишения, тяжкий труд и страдания, выпадающие на долю низших классов, и не сбивают с толку роскошь, честолюбие, чванство и зависть высших классов. Насколько приятна такая жизнь, сказал он, можно судить хотя бы по тому, что все остальные ей завидуют: ведь и короли нередко жалуются на горькую участь людей, рождённых для великих дел, и сетуют, что судьба не поставила их между двумя крайностями — ничтожеством и величием, и даже мудрец<sup>1</sup>, который молил небо не посылать ему ни бедности, ни богатства, тем самым свидетельствовал, что золотая середина есть пример истинного счастья.

Стоит только понаблюдать, уверял меня отец, и я пойму, что все жизненные невзгоды распределены между высшими и низшими классами и что реже всего их терпят люди умеренного достатка, не подверженные стольким превратностям судьбы, как высшие и низшие круги человеческого общества; даже от недугов, телесных и душевных, они защищены больше, чем те, у кого болезни порождаются либо пороками, роскошью и всякого рода излишествами, либо изнурительным трудом, нуждой, скудной и дурной пищей, и все их недуги не что иное, как естественные последствия образа жизни. Среднее положение в обществе наиболее благоприятствует расцвету всех добродетелей и всех радостей бытия; мир и довольство — слуги его; умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, всевозможные приятные развлечения, всевозможные удовольствия — его благословенные спутники. Человек среднего

---

<sup>1</sup> Дефо говорит о библейском царе Соломоне. В Книге Притчей Соломоновых говорится: «...не дай мне ни бедности, ни богатства» (глава 30, стих 8).

достатка проходит свой жизненный путь тихо и безмятежно, не обременяя себя ни физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, которые лишают тело сна, а душу — покоя, не страдая от зависти, не сгорая втайне огнём честолюбия. Привольно и легко скользит он по жизни, разумным образом вкушая сладости бытия, не оставляющие горького осадка, чувствуя, что он счастлив, и с каждым днём постигая это всё яснее и глубже.

Затем отец настойчиво и чрезвычайно ласково стал упрашивать меня не ребячиться, не бросаться очертя голову навстречу бедствиям, от которых сама природа и условия жизни, казалось, должны меня оградить. Ведь я не поставлен в необходимость работать из-за куска хлеба, а он приложит всё старания, чтобы вывести меня на ту дорогу, которую советует мне избрать; если же я окажусь неудачником или несчастным, то мне придётся пенять лишь на злой рок или на собственные оплошности. Итак, он предостерег меня от шага, который не принесёт мне ничего, кроме вреда, и, исполнив таким образом свой долг, слагает с себя всякую ответственность; словом, если я останусь дома и устрою свою жизнь согласно его указаниям, он будет мне заботливым отцом, но ни в коем случае не станет способствовать моей гибели, поощряя к отъезду. В заключение он привёл в пример моего старшего брата, которого он так же настойчиво убеждал не принимать участия в нидерландской войне<sup>1</sup>, но все уговоры оказались напрасными: юношеские мечтания

---

<sup>1</sup> Дефо имеет в виду войну между Англией и Нидерландами в 1652–1654 гг. Уже ранние критики романа отметили допущенную здесь Дефо двойную хронологическую ошибку: покинув Англию 1 сентября 1651 г., Робинзон не должен был знать об этой войне. Кроме того, отец Робинзона не мог указывать ему на смерть его старшего брата, убитого, как говорит сам Дефо, в битве под Дюнкерком, то есть семь лет спустя.



заставили моего брата бежать в армию, и он погиб. И хотя, закончил отец, он никогда не перестанет молиться обо мне, но берётся утверждать, что, если я не откажусь от своих безумных намерений, на мне не будет благословения Божия. Придёт время, когда я пожалею, что пренебрёг его советом, но тогда, может статься, некому будет прийти мне на выручку.

Я видел, как в конце этой речи (она была поистине пророческой, хотя, я думаю, отец мой и сам этого не подозревал) обильные слёзы заструились по лицу старика, особенно когда он заговорил о моём убитом брате; а когда батюшка сказал, что придёт время раскаяния, но помочь мне уже будет некому, то от волнения голос его дрогнул, и он прошептал, что сердце его разрывается и он не может больше вымолвить ни слова.

Я был искренне растроган этой речью (да и кого бы она не тронула?) и твёрдо решил не думать более об отъезде в чужие края, а остаться на родине, как того желал мой отец. Но увы! Через несколько дней от моей решимости не осталось и следа: короче говоря, через несколько недель после моего разговора с отцом я во избежание новых отцовских увещаний решил бежать из дому тайком. Я сдержал пыл своего нетерпения и действовал не спеша: выбрав время, когда моя мать, как мне показалось, была в более добром расположении духа, чем обычно, я отвёл её в уголок и признался, что все мои помыслы подчинены желанию повидать далёкие края, и что, если даже я и займусь каким-либо делом, у меня всё равно не хватит терпения довести его до конца, и что пусть лучше отец отпустит меня добровольно, иначе я буду вынужден обойтись без его разрешения. Мне уже восемнадцать лет, сказал я, а в эти годы поздно учиться ремеслу, и если бы даже я поступил писцом к стряпчему, то знаю наперёд — я убежал бы от своего патрона, не дотянув до конца обучения, и ушёл в море. Но если бы матушка уговорила отца хоть единожды отпустить меня в морское путешествие; ежели жизнь в море придётся мне не по душе, я вернусь домой и не уеду более; и я могу дать слово, что удвоенным прилежанием наверстаю потерянное время.

Мои слова сильно разволновали матушку. Она сказала, что заговаривать с отцом об этом бесполезно, ибо он слишком хорошо понимает, в чём моя польза, и никогда не даст согласия на то, что послужит мне во вред. Она просто изумлена, что я ещё могу думать о подобных вещах после моего разговора с отцом, который убеждал меня так мягко и с такой добротой. Конечно, если я твёрдо решил себя погубить, тут уж ничего не поделаешь, но я могу быть уверен, что ни она, ни отец никогда не согласятся на мою затею; сама же она несколько не желает содействовать моей гибели, и я никогда не буду вправе



сказать, что моя мать потакала мне, в то время как отец был против.

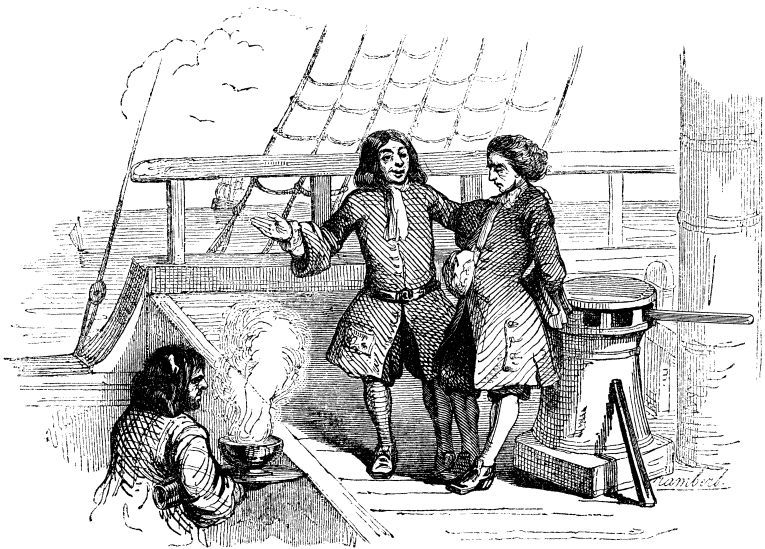
Впоследствии я узнал, что хотя матушка и отказалась ходатайствовать за меня перед отцом, однако передала ему наш разговор от слова до слова. Очень озабоченный таким оборотом дела, отец сказал ей со вздохом: «Мальчик мог бы жить счастливо, оставшись на родине, но, если он пустится в чужие края, он станет самым жалким, самым несчастным существом на свете. Нет, я не могу на это согласиться».

Прошёл без малого год, прежде чем мне удалось вырваться на волю. В течение этого времени я упорно оставался глух ко всем предложениям заняться делом и часто пререкался с отцом и матерью, которые решительно противились тому, к чему меня столь сильно влекло. Однажды, когда я находился в Гулле, куда я попал случайно, без всякой мысли о побеге, один мой приятель, отправлявшийся в Лондон на корабле своего отца, стал уговаривать меня ехать с ним, соблазняя, как это водится у моряков, тем, что мне ничего не будет стоить проезд. И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, не уведомив их ни словом и предоставив им узнать об этом как придётся, не испросив ни родительского, ни Божьего благословения, не принимая в расчёт ни обстоятельств, ни последствий, в недобрый — видит Бог! — час, 1 сентября 1651 года, я взшёл на борт корабля, отправлявшегося в Лондон. Надо полагать, никогда несчастья и беды молодых искателей приключений не начинались так рано и не продолжались так долго, как мои. Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как подул ветер, вздымая огромные, страшные волны. До тех пор я никогда не бывал в море и не могу описать, как худо пришлось моему бедному телу и как содрогалась от страха моя душа. И только тогда я всерьёз задумался о том, что я натворил, и о справедливости небесной кары, постигшей меня за то, что я так бессовестно покинул отчий дом и нарушил сыновний долг.

Все добрые советы моих родителей, слёзы отца и мольбы матери воскресли в моей памяти, и совесть, которая в то время ещё не успела окончательно очерстветь, терзала меня за пренебрежение к родительским увещаниям и за нарушение обязанностей перед богом и отцом.

Между тем ветер крепчал, и на море разыгралась буря, которая, впрочем, не шла в сравнение с теми, что я много раз видел потом, ни даже с той, что мне пришлось увидеть несколько дней спустя. Но и этого было довольно, чтобы ошеломить меня, новичка, ничего не смыслившего в морском деле. Когда накатывалась новая волна, я ожидал, что она нас поглотит, и всякий раз, когда корабль падал вниз, как мне казалось, в пучину или бездну морскую, я был уверен, что он уже больше не поднимется на поверхность. И в этой муке душевной я неоднократно решался и давал себе клятвы, что, если господу будет угодно сохранить на сей раз мне жизнь, если нога моя снова ступит на твёрдую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и, покуда жив, не сяду на корабль, что я последую отцовским советам и никогда более не подвергну себя подобной опасности. Теперь я понял всю справедливость рассуждений отца относительно золотой середины; для меня ясно стало, как мирно и приятно прожил он всю жизнь, никогда не подвергая себя бурям на море и невздам на суше, — словом, я, как некогда блудный сын, решил вернуться в родительский дом с покаянием.

Эти трезвые и благоразумные мысли не оставляли меня, покуда длилась буря, и даже некоторое время после неё; но на другое утро ветер стал стихать, волнение поулеглось, и я начал понемногу осваиваться с морем. Как бы то ни было, весь этот день я был настроен очень серьёзно (тем более что ещё не совсем оправился от морской болезни); но перед закатом небо прояснилось, ветер прекратился, и наступил тихий, очаровательный вечер; солнце зашло без туч и такое же ясное встало на другой день, и гладь морская при полном или почти полном



безветрии, вся облитая его сиянием, представляла восхитительную картину, какой я никогда ещё не видывал.

Ночью я отлично выспался, от моей морской болезни не осталось и следа, я был бодр и весел и любовался морем, которое ещё вчера так бушевало и грохотало и в такое короткое время могло затихнуть и явить собою столь привлекательное зрелище. И тут-то, словно для того, чтобы изменить моё благоразумное решение, ко мне подошёл приятель, сманивший меня ехать с ним, и, хлопнув меня по плечу, сказал: «Ну что, Боб, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? Бьюсь об заклад, что ты испугался, — признавайся, ведь испугался вчера, когда задул ветерок?» — «Ветерок? Хорош ветерок! Я и представить себе не мог такой ужасной бури!» — «Бури! Ах ты, чудак! Так, по-твоему, это буря? Что ты! Это сущие пустяки! Дай нам хорошее судно да побольше простору — мы такого шквалика и не заметим. Ну, да ты ещё совсем неопытный моряк, Боб. Пойдём-ка лучше сварим пуншу и забудем об этом. Взгляни, какой чудесный нынче день!» Чтоб сократить эту грустную часть моей повести, скажу, что дальше пошло,

как положено у моряков: сварили пунш, я порядком охмелел и потопил в разгуле той ночи всё моё раскаяние, все размышления о прошлом моём поведении и все мои благие решения относительно будущего. Словом, как только на море воцарилась тишь, как только вместе с бурей улеглись мои взбудораженные чувства и прошёл страх утонуть в морской пучине, так мысли мои повернули в прежнее русло, и все клятвы, все обещания, которые я давал себе в часы страданий, были позабыты. Правда, порой на меня находило просветление, здравые мысли ещё пытались, так сказать, воротиться ко мне, но я гнал их прочь, боролся с ними, словно с приступами болезни, и при помощи пьянства и весёлой компании скоро восторжествовал над этими припадками, как я их называл; в какие-нибудь пять-шесть дней я одержал столь полную победу над своей совестью, какой только может пожелать себе юнец, решившийся не обращать на неё внимания. Однако меня ждало ещё одно испытание: как всегда в подобных случаях, провидение пожелало отнять у меня последнее оправдание перед самим собою; в самом деле, если на этот раз я не захотел понять, что всецело обязан ему, то следующее испытание было такого рода, что тут уж и самый последний, самый отпетый негодяй из нашего экипажа не мог бы не признать, что опасность была поистине велика и спаслись мы только чудом.

На шестой день по выходе в море мы пришли на Ярмутский рейд<sup>1</sup>. Ветер после шторма был всё время неблагоприятный и слабый, так что мы двигались еле-еле. В Ярмуте мы были вынуждены бросить якорь и простояли при юго-западном, то есть противном, ветре семь или восемь дней. В течение этого времени на рейд пришло немалое количество судов из Ньюкасла<sup>2</sup>, ибо Ярмутский рейд

---

<sup>1</sup> Портовый город Ярмут расположен в устье рек Яра и Бьюра, образующем удобную стоянку для морских судов.

<sup>2</sup> Ньюкасл — большой старинный город северо-восточной Англии, на левом берегу реки Тайн, в девятнадцати километрах от моря.

обычно служит местом стоянки для кораблей, которые дожидаются здесь попутного ветра, чтобы войти в Темзу.

Впрочем, мы не простояли бы долго и вошли бы в реку с приливом, если бы ветер не был так свеж, а дней через пять не покрепчал ещё больше. Однако Ярмутский рейд считается такой же хорошей стоянкой, как и гавань, а якоря и якорные канаты были у нас надёжные; поэтому наши люди ничуть не тревожились и даже не помышляли об опасности — по обычаю моряков, они делили свой досуг между отдыхом и развлечениями. Но на восьмой день утром ветер усилился, и пришлось свистать наверх всех матросов, убрать стеньги и плотно закрепить всё, что нужно, чтобы судно могло безопасно держаться на рейде. К полудню на море началось большое волнение, корабль стало сильно раскачивать; он несколько раз зачерпнул бортом, и раза два нам показалось, что нас сорвало с якоря. Тогда капитан скомандовал отдать запасной якорь. Таким образом, мы держались на двух якорях против ветра, вытравив канаты до конца.

Тем временем разыгрался жесточайший шторм<sup>1</sup>. Рас-  
терянность и страх были теперь даже на лицах матросов.

---

<sup>1</sup> В ноябре 1703 г. над Ла-Маншем и южной Англией в течение двух дней свирепствовала страшная буря. Дефо был в это время в Лондоне. В следующем году он издал книгу: «Буря, или Собрание наиболее достопримечательных несчастных случаев, происшедших как на море, так и на суше во время недавней страшной бури» (1704). Это был первый опыт Дефо в создании книги описательных очерков, устанавливавший его репутацию как журналиста; в то же время «Буря» была одной из первых книг этого жанра в английской литературе. В этой книге Дефо называет Ярмут, Гуль, Ньюкасл и многие другие порты восточного побережья Англии и приводит много примеров гибели людей и опустошений, которые вызвал жестокий ураган. Описание шторма на страницах «Робинзона Крузо» соответствует многому из того, что рассказывается в «Буре». В конце книги Дефо поместил письмо, якобы написанное «с борта корабля «Джон и Мэри», стоявшего на Ярмутском рейде во время великой бури, многие подробности которого Дефо перенёс и в свой роман.



Я несколько раз слышал, как сам капитан, проходя мимо меня из своей каюты, бормотал вполголоса: «Господи, смилуйся над нами, иначе мы погибли, всем нам конец», — что не мешало ему, однако, зорко наблюдать за работами по спасению корабля, первые минуты переполюха оглушили меня: я неподвижно лежал в своей каюте рядом со штурвалом и даже не знаю хорошенько, что я чувствовал.

Мне было трудно вернуть прежнее покаянное настроение после того, как я сам его презрел и ожесточил свою душу: мне казалось, что смертный ужас раз и навсегда миновал и что эта буря пройдёт бесследно, как и первая. Но повторяю, когда сам капитан, проходя мимо, обмолвился о грозящей нам гибели, я неимоверно испугался. Я выбежал из каюты на палубу; никогда в жизни не приходилось мне видеть такой зловещей картины: на море вздымались валы вышиной с гору, и такая гора опрокидывалась на нас каждые три-четыре минуты. Когда, собравшись с духом, я огляделся вокруг, то увидел тяжкие бедствия. На двух тяжело нагруженных судах, стоявших неподалёку от нас на якоре, были обрублены все мачты. Кто-то из наших матросов крикнул, что корабль, стоявший в полумиле от нас впереди, пошёл ко дну. Ещё два судна сорвало с якорей и унесло в открытое море на произвол судьбы, ибо ни на том, ни на другом не оставалось ни одной мачты. Мелкие суда держались лучше других — им было легче маневрировать; но два или три из них тоже унесло в море, и они промчались борт о борт мимо нас, убрав все паруса, кроме одного кормового кливера.

В конце дня штурман и боцман стали упрашивать капитана позволить им срубить фок-мачту. Капитан долго упирался, но боцман принялся доказывать, что, если фок-мачту оставить, судно непременно затонет, и он согласился, а когда снесли фок-мачту, грот-мачта начала так шататься и так сильно раскачивать судно, что пришлось снести и её и таким образом освободить палубу.

Судите сами, что должен был испытывать всё это время я — юнец и новичок, незадолго перед тем испугавшийся небольшого волнения. Но если после стольких лет память меня не обманывает, не смерть была мне страшна тогда; во сто крат сильнее ужасала меня мысль о том, что я изменил своему решению прийти с повинной к отцу и вернулся к прежним химерическим стремлениям, и мысли эти, усугублённые ужасом перед бурей,



приводили меня в состояние, которого не передать никакими словами. Но самое худшее было ещё впереди. Буря продолжала свирепствовать с такой силой, что, по признанию самих моряков, им никогда не случалось видеть подобной. Судно у нас было крепкое, но от тяжёлого груза глубоко сидело в воде, и его так качало, что на палубе поминутно слышалось: «Кренит! Дело — табак!» Пожалуй, для меня было даже к лучшему, что я не вполне понимал значение этих слов, пока не попросил объяснить их. Однако буря бушевала всё яростнее, и я увидел — а это не часто увидишь, — как капитан, боцман и ещё несколько человек, более разумных, чем остальные, молились, ожидая, что корабль вот-вот пойдёт ко дну. В довершение ко



всему вдруг среди ночи один из матросов, спустившись в трюм поглядеть, всё ли там в порядке, закричал, что судно дало течь; другой посланный донёс, что вода поднялась уже на четыре фута. Тогда раздалась команда: «Все к насосам!» Когда я услышал эти слова, у меня замерло сердце, и я упал навзничь на койку, где я сидел. Но матросы растолкали меня, заявив, что если до сих пор я был бесполезен, то теперь могу работать, как и всякий другой. Тогда я встал, подошёл к насосу и усердно принялся качать. В это время несколько мелких судов, гружённых углём, будучи не в состоянии выстоять против ветра, снялись с якоря и вышли в море. Когда они проходили мимо, наш капитан приказал подать сигнал бедствия, то есть выстрелить из пушки. Не понимая, что это значит, я пришёл в ужас, вообразив, что судно наше разбилось или случилось нечто другое, не менее страшное, и потрясение было так сильно, что я упал в обморок. Но в такую минуту каждому было впору заботиться лишь о спасении собственной жизни, и никто на меня не обратил внимания и не поинтересовался, что приключилось со мной. Другой матрос, оттолкнув меня ногой, стал к насосу на моё место в полной уверенности, что я уже мёртв; прошло немало времени, пока я очнулся.

Работа шла полным ходом, но вода в трюме поднималась всё выше. Было очевидно, что корабль затонет, и хотя буря начинала понемногу стихать, однако нечего было и надеяться, что он сможет продержаться на воде, покуда мы войдём в гавань, и капитан продолжал палить из пушек, взывая о помощи. Наконец одно лёгкое судёнышко, стоявшее впереди нас, отважилось спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Подвергаясь немалой опасности, шлюпка приблизилась к нам, но ни мы не могли добраться до неё, ни шлюпка не могла причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью ради спасения нашей. Наконец наши матросы бросили им с кормы канат с буйкой, вытравив его на большую длину. После

долгих и тщетных усилий гребцам удалось поймать конец каната; мы притянули их под корму и все до одного спустились в шлюпку. О том, чтобы добраться до их судна, нечего было и думать; поэтому мы единодушно решили грести по ветру, стараясь только держать по возможности к берегу. Наш капитан пообещал чужим матросам, что в случае, если лодка разобьётся о берег, он заплатит за неё хозяину. И вот, частью на вёслах, частью подгоняемые ветром, мы направились к северу в сторону Уинтертон-Несса, постепенно приближаясь к земле.

Не прошло и четверти часа с той минуты, когда мы отчалили от корабля, как он стал погружаться на наших глазах. И тут-то впервые я понял, что значит «дело — табак». Должен, однако, сознаться, что, услышав крики матросов: «Корабль тонет!» — я почти не имел силы взглянуть на него, ибо с тех пор, как я пошёл или, вернее, когда меня сняли в лодку, во мне словно всё оцепенело от смятения и страха, а также от мысли о том, что ещё ждёт меня впереди.

Покуда люди изо всех сил налегали на вёсла, чтобы направить лодку к берегу, мы могли видеть (ибо всякий раз, как лодку вздымало волной, нам виден был берег), что там собралась большая толпа: все суетились и бежали, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдём ближе. Но мы двигались очень медленно и добрались до земли, только пройдя уинтертонский маяк, там, где между Уинтертоном и Кромером береговая линия изгибается к западу и где поэтому её выступы немного умеряли силу ветра. Здесь мы пристали и, с великим трудом, но всё-таки благополучно выбравшись на сушу, пошли пешком в Ярмут, где нас как потерпевших крушение встретили с большим участием: городской магистрат отвёл нам хорошие помещения, а местные купцы и судохозяева снабдили нас деньгами в достаточном количестве, чтобы добраться по нашему выбору либо до Лондона, либо до Гуля.

Почему мне не пришло тогда в голову вернуться в Гульль, в родительский дом! Как бы я был счастлив! Наверно, отец, как в евангельской притче, заколол бы для меня откормленного тельца<sup>1</sup>; но он узнал о моём спасении лишь много времени спустя после того, как до него дошла весть, что судно, на котором я вышел из Гулля, погибло на Ярмутском рейде.

Но моя злая судьба толкала меня всё на тот же гибельный путь с упорством, которому невозможно было противиться; и хотя в моей душе неоднократно раздавался трезвый голос рассудка, звавший меня вернуться домой, у меня не хватило для этого сил. Не знаю, как это назвать, и не стану настаивать, что какое-то тайное веление всесильного рока побуждает нас быть орудием собственной своей гибели, даже когда мы видим её перед собой и бросаемся к ней навстречу с открытыми глазами, но несомненно, что только моя злосчастная судьба, которой я был не в силах избежать, заставила меня пойти наперекор трезвым доводам и внушениям лучшей части моего существа и пренебречь двумя столь наглядными уроками, которые я получил при первой же попытке вступить на новый путь.

Сын нашего судохозяина, мой приятель, помогший мне укрепиться в пагубном решении, присмирел теперь больше меня; в первый раз, как он заговорил со мной в Ярмуте (что случилось только через два или три дня, так как в этом городе мы все жили порознь), я заметил, что тон его изменился. С унылым видом он покачал головой и спросил, как я себя чувствую. Объяснив своему отцу, кто я такой, он рассказал, что я предпринял эту поездку в виде опыта, в будущем же намереваюсь объездить весь свет. Тогда его отец, обратившись ко мне, произнёс серьёзно и озабоченно:

— Молодой человек! Вам больше никогда не следует пускаться в море: случившееся с нами вы должны при-

---

<sup>1</sup> Робинзон имеет в виду евангельскую притчу о блудном сыне.

нять за явное и несомненное знамение, что вам не суждено быть мореплавателем.

— Почему же, сэръ? — возразил я. — Разве вы тоже не будете больше плавать?

— Это другое дело, — отвечал он, — плавать — моя профессия и, следовательно, моя обязанность. Но вы-то ведь отправились в плавание ради пробы. Так вот небеса и дали вам отведать то, что вы должны ожидать, если будете упорствовать в своём решении. Быть может, и крушение случилось из-за вас, как корабль фарсийский потерпел крушение из-за Ионы<sup>1</sup>... Прошу вас, — прибавил он, — объясните мне толком, кто вы такой и что побудило вас предпринять это плавание?

Тогда я рассказал ему кое-что о себе. Как только я кончил, он неожиданно разразился гневом.

— Что я такого сделал, — говорил он, — чем провинился, что этот жалкий отверженец ступил на палубу моего корабля! Никогда в жизни, даже за тысячу фунтов, не соглашусь я плыть на одном судне с тобой!

Конечно, всё это было сказано в сердцах, человеком, и без того уже огорчённым своей потерей, и в пылу гнева он зашёл дальше, чем следовало. Однако потом он говорил со мной спокойно и весьма серьёзно убеждал меня не искушать на свою погибель провидение и воротиться

---

<sup>1</sup> Начитанный в Библии судохозяин имеет в виду рассказ, помещённый в Книге Пророка Ионы, известный каждому английскому моряку того времени. Ослушавшись повеления Господня — идти и проповедовать в Ниневии, пророк Иона сел на корабль, шедший в город Фарсис, но Бог «воздвиг на море крупный ветер, и сделалась великая буря. Устрашились моряки и сказали Ионе: «Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас?» Тогда он сказал им: «Возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря». Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море всё продолжало бушевать... Тогда они взяли Иону и бросили его, и утихло море от ярости своей». Иона же был проглочен китом и находился в его чреве три дня и три ночи, а затем был извергнут на сушу.



к отцу, ибо во всём случившемся я должен видеть перст божий.

— Ах, молодой человек! — сказал он в заключение. — Если вы не вернётесь домой, то, верьте мне, повсюду, куда бы вы ни отправились, вас будут преследовать только несчастья и неудачи, пока не сбудутся слова вашего отца.

Вскоре после того мы расстались; мне нечего было возразить ему, и больше я его не видел. Куда он уехал из Ярмута, не знаю; у меня же было немного денег, и я отправился в Лондон по суше. И в Лондоне, и по пути туда мне не раз приходилось выдерживать борьбу с собой относительно того, какой род жизни мне избрать и воротиться ли домой или снова отправиться в плавание.

Что касается возвращения в родительский дом, то стыд заглушал самые веские доводы моего разума: мне представлялось, как надо мной будут смеяться соседи и как мне будет стыдно взглянуть не только на отца и на мать, но и на всех наших знакомых. С тех пор я часто заме-

чал, сколь нелогична и непоследовательна человеческая природа, особенно в молодости: отвергая соображения, которыми следовало бы руководствоваться в подобных случаях, люди не стыдятся греха, а стыдятся раскаяния, не стыдятся поступков, за которые их по справедливости должно назвать безумцами, а стыдятся образумиться и жить почтенной и разумной жизнью.

Довольно долго я пребывал в нерешительности, не зная, что предпринять и какой избрать жизненный путь. Я не мог побороть нежелание вернуться домой, а тем временем воспоминание о перенесённых бедствиях мало-помалу изглаживалось из моей памяти; вместе с ним ослабевал и без того слабый голос рассудка, побуждавший меня вернуться к отцу, и кончилось тем, что я отбросил мысли о возвращении и стал мечтать о новом путешествии.

Та самая злая сила, которая побудила меня бежать из родительского дома, которая вовлекла меня в нелепую и необдуманную затею составить себе состояние, рыская по свету, и так крепко вбила мне в голову эти бредни, что я остался глух ко всем добрым советам, к увещаниям и даже к запрету отца, та самая сила, говорю я, какого бы ни была она рода, толкнула меня на несчастнейшее предприятие, какое только можно вообразить: я сел на корабль, отправлявшийся к берегам Африки, или, как попросту выражаются наши моряки, «в рейс в Гвинею»<sup>1</sup>.

Большим моим несчастьем было то, что, пускаясь в эти приключения, я не нанимался простым матросом: вероятно, мне пришлось бы работать немного больше обычного, зато я научился бы обязанностям и работе моряка

---

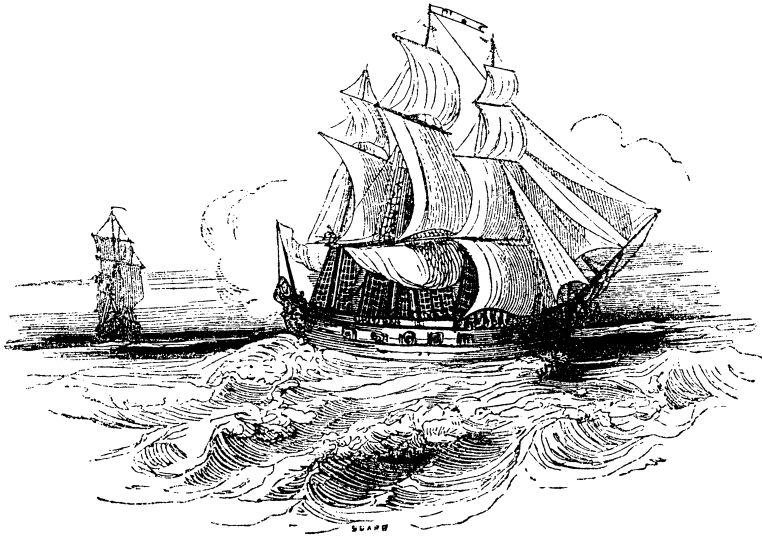
<sup>1</sup> Под Гвинеей европейцы подразумевали тогда западный берег Африки, простирающийся между Сьерра-Леоне и Бенином; однако, говоря о «гвинейском вояже» как о выражении, заимствованном из жаргона моряков, Дефо, может быть, имел в виду специфическое его значение: под «гвинейским кораблём» в XVII–XVIII вв. нередко подразумевался корабль, вёзший на продажу чернокожих невольников, а под «гвинейским купцом» — работоровец.

и со временем мог бы сделаться штурманом или если не капитаном, то его помощником. Но уж такова была моя судьба — из всех возможных путей я всегда выбирал самый худший. Так и тут: в кошельке у меня водились деньги, на мне было приличное платье, и я обычно являлся на судно в обличье джентльмена, поэтому ничего там не делал и ничему не научился.

В Лондоне мне посчастливилось сразу же попасть в хорошую компанию, что нечасто случается с такими распущенными, сбившимися с пути юнцами, каким я был тогда, ибо дьявол не дремлет и немедленно расставляет им какую-нибудь ловушку. Но не так было со мной. Я познакомился с одним капитаном, который незадолго перед тем ходил к берегам Гвинеи, и, так как этот рейс был для него очень удачен, он решил ещё раз отправиться туда. Ему полюбилось моё общество — в то время я мог быть приятным собеседником, — и, узнав, что я мечтаю повидать свет, предложил мне ехать с ним, сказав, что мне это ничего не будет стоить, что я буду его сотрапезником и другом. Если же у меня есть возможность взять с собою в Гвинею товары, то мне, может быть, повезёт и я получу целиком всю вырученную от торговли прибыль.

Я принял предложение; завязав самые дружеские отношения с этим капитаном, человеком честным и прямодушным, я отправился с ним в путь, захватив с собою небольшой груз, на котором благодаря полной бескорыстности моего друга-капитана сделал весьма выгодный оборот; по его указаниям я закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и безделок. Эти сорок фунтов я собрал с помощью моих родственников, с которыми был в переписке и которые, как я полагаю, убедили моего отца или, вернее, мать помочь мне хоть небольшой суммой в этом первом моём предприятии.

Это путешествие было, можно сказать, единственным удачным из всех моих походов, чем я обязан бескорыстии и чёткости моего друга-капитана, под руководством



которого я, кроме того, приобрёл изрядные сведения в математике и навигации, научился вести корабельный журнал, делать наблюдения и вообще узнал много такого, что необходимо знать моряку. Ему доставляло удовольствие заниматься со мной, а мне — учиться. Одним словом, в этом путешествии я сделался моряком и купцом: я выручил за свой товар пять фунтов девять унций золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил без малого триста фунтов стерлингов. Эта удача преисполнила меня честолюбивыми мечтами, впоследствии довершившими мою гибель.

Но даже и в этом путешествии мне пришлось претерпеть немало невзгод, и, главное, я всё время прохворал, схватив сильнейшую тропическую лихорадку вследствие чересчур жаркого климата, ибо побережье, где мы больше всего торговали, лежит между пятнадцатым градусом северной широты и экватором.

Итак, я сделался купцом и вёл торговлю с Гвинеей. На моё несчастье, мой друг-капитан вскоре по прибытии на родину умер, и я решил снова съездить в Гвинею самостоятельно. Я отплыл из Англии на том же самом корабле, командование которым перешло теперь к помощнику



умершего капитана. Это было самое злополучное путешествие, когда-либо выпадавшее на долю человека. Правда, я взял с собой меньше ста фунтов из нажитого капитала, а остальные двести фунтов отдал на хранение вдове моего покойного друга, распорядившейся ими весьма добросовестно; но зато меня постигли во время пути страшные беды. Началось с того, что однажды, на рассвете, наше судно, державшее курс на Канарские острова или, вернее, между Канарскими островами и Африканским материком, было застигнуто врасплох турецким пиратом из Сале<sup>1</sup>, который погнался за нами на всех парусах. Мы тоже подняли все паруса, какие могли выдержать наши реи и мачты, но, видя, что пират нас настигает и неминуемо догонит через несколько часов, мы приготовились к бою (у нас было двенадцать пушек, а у него восемнадцать). Около трёх пополудни он нас нагнал, но по ошибке, вместо того чтобы подойти к нам с кормы, как он намеревался, подошёл с борта. Мы навели на пиратское судно восемь пушек и дали по нему залп; тогда оно отошло немного подальше, предварительно ответив на наш огонь не только пушечным, но и ружейным залпом из двух сотен ружей, так как на этом судне было человек двести. Впрочем, у нас никто не пострадал: все наши люди держались дружно. Затем пират приготовился к новому нападению, а мы — к новой обороне. Подойдя на этот раз с другого борта, он взял нас на абордаж: человек

---

<sup>1</sup> Салé (ныне Рабат-Сале) — порт на атлантическом берегу Марокко, на правом берегу реки Бу-Регрег, впадающей в океан; в Средние века — важнейшая торговая гавань северо-западной Африки, в XVII в. — независимая республика и знаменитое пиратское гнездо. Славившиеся своими смелыми действиями пираты из Сале наносили такой заметный ущерб морской торговле, что английские власти в XVII в. предпринимали против них целые экспедиции. В это время в Англии печатались списки лиц, захваченных пиратами из Сале, воспоминания людей, спасшихся из плена, и т.д. В распоряжении Дефо могло быть большое количество печатных источников с описанием случаев, очень сходных с измышленным им двухлетним пленением в Сале Робинзона и, следовательно, придававших его повествованию полное правдоподобие.

шестьдесят ворвалось к нам на палубу, и все первым делом бросились рубить снасти. Мы встретили их ружейной пальбой, забросали дротиками, подождёнными ящиками с порохом и дважды изгоняли их с нашей палубы. Тем не менее корабль наш был приведён в негодность, трое наших людей было убито, а восемь ранено, и в конце концов (я сокращаю эту печальную часть моего повествования) мы вынуждены были сдаться, и нас отвезли в качестве пленников в Сале, морской порт, принадлежащий мавраам.

Участь моя оказалась менее ужасной, чем я ожидал по началу. Меня не увели, как остальных, в глубь страны, ко двору султана<sup>1</sup>: капитан разбойничьего корабля удержал меня в качестве невольника, так как я был молод, проворен и мог ему пригодиться. Этот разительный поворот судьбы, превративший меня из купца в жалкого раба, был совершенно ошеломителен; тут-то мне вспомнились пророческие слова моего отца о том, что придёт время, когда некому будет выручить меня из беды, слова, которые, думалось мне, сбылись сейчас, когда десница Божия покарала меня и я погиб безвозвратно. Но увы! То была лишь бледная тень тяжёлых испытаний, через которые мне предстояло пройти, как покажет продолжение моего рассказа.

Так как мой новый хозяин, или, точнее, господин, взял меня к себе в дом, то я надеялся, что он захватит с собой меня и в следующее плавание. Я был уверен, что рано или поздно его настигнет какой-нибудь испанский или португальский корабль, и тогда мне будет возвращена свобода. Но надежда моя скоро рассеялась, ибо, выйдя в море, он оставил меня присматривать за его садиком и исполнять всю чёрную работу, возлагаемую на рабов; по возвращении же из похода он приказал мне жить в каюте и присматривать за судном.

С того дня я ни о чём не думал, кроме побега, но какие бы способы я ни измышлял, ни один из них не сулил

---

<sup>1</sup> В XVII в. в Марокко правила династия мусульманских султанов — Саадинов; резиденцией их был город Мекнес.

даже малейшей надежды на успех. Да и трудно было предположить вероятность успеха в подобном мероприятии, ибо мне некому было довериться, не у кого искать помощи — здесь не было ни одного невольника англичанина, ирландца или шотландца<sup>1</sup>, я был совершенно одинок; так что целых два года (хоть в течение этого времени я часто тешился мечтами о свободе) у меня не было и тени надежды на осуществление моего плана.

Но по прошествии двух лет представился один необыкновенный случай, ожививший в моей душе давнишнюю мысль о побеге, и я вновь решил сделать попытку вырваться на волю. Как-то мой хозяин дольше обыкновенного находился дома и не готовил свой корабль к отплытию (у него, как я слышал, не хватало денег). Постоянно, раз или два в неделю, а в хорошую погоду и чаще, он выходил на корабельном полубаркасе на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал гребцами меня и молоденького мавра, и мы увеселяли его по мере сил. А так как я к тому же оказался весьма искусным рыболовом, то иногда он посылал за рыбой меня с мальчиком — Мареско, как они называли его<sup>2</sup>, — под присмотром одного взрослого мавра, своего родственника.

---

<sup>1</sup> Ошибка Дефо: далее упомянут корабельный плотник «тоже невольник-англичанин».

<sup>2</sup> В нескольких изданиях «Робинзона Крузо», вышедших в 1719 г., прозвание мальчика напечатано было различно — Maresco или Moresco. Остаётся неясным, что именно Дефо имел в виду, называя так юного спутника Робинзона в морских прогулках. В первом случае итальянское слово Maresco могло означать корабельного ученика, юнгу; во втором — Moresco, morisco — молодого мавра, или мориска. Морисками назывались потомки мавров-мусульман, насильно обращённых в христианство испанскими католическими королями, изгнанные или эмигрировавшие из Испании в города Северной Африки (между концом XV и началом XVII в.). Вероятно, Дефо имел в виду мавританского мальчика или юношу. В тексте романа остаётся также неразъяснённым, не тождествен ли этот Мареско с мальчиком, в дальнейшем именуемым Ксури.



Однажды мы вышли на ловлю в тихое, ясное утро, но, проплыв мили полторы, мы очутились в таком густом тумане, что потеряли из виду берег и стали грести наугад; проработав вёслами весь день и всю ночь, мы с наступлением утра увидели кругом открытое море, ибо вместо того, чтобы держаться ближе к берегу, мы отошли от него по меньшей мере на шесть миль. В конце концов мы с огромным трудом и не без риска добрались домой, так как с утра задул довольно крепкий ветер, и к тому же мы изнемогали от голода.

Наученный этим приключением, мой хозяин решил впредь быть осмотрительнее и объявил, что больше никогда не выедет на рыбную ловлю без компаса и без запаса провизии. После захвата нашего английского корабля он оставил себе баркас и теперь приказал своему корабельному плотнику, тоже невольнику-англичанину, построить на этом баркасе в средней его части небольшую рубку, или

каютку, как на барже. Позади рубки хозяин велел оставить место для одного человека, который будет править рулём и управлять гротом, а впереди — для двоих, чтобы крепить и убирать остальные паруса, из коих кливер находился над крышей каютки. Каютка получилась низенькая, очень уютная и настолько просторная, что в ней можно было спать троим и поместить стол и шкафчики для хранения хлеба, риса, кофе и бутылок с теми напитками, какие он считал наиболее подходящими для морских путешествий.

Мы часто ходили за рыбой на этом баркасе, и так как я стал искуснейшим рыболовом, то хозяин никогда не выезжал без меня. Однажды он задумал выйти в море (за рыбой или просто прокатиться, уж не могу сказать) с двумя-тремя маврами, надо полагать, важными персонами, для которых он особенно постарался, заготовив провизии больше обычного и ещё с вечера отослав её на баркас. Кроме того, он приказал мне взять у него на судне три ружья с необходимым количеством пороха и зарядов, так как, помимо ловли рыбы, им хотелось ещё поохотиться на птиц.

Я сделал всё, как он велел, и на другой день с утра ждал его на баркасе, чисто вымытом и совершенно готовом к приёму гостей, с поднятыми вымпелами и флагом. Однако хозяин пришёл один и сказал, что его гости отложили поездку из-за какого-то непредвиденного дела. Затем он приказал нам троим — мне, мальчику и мавру — идти, как всегда, на взморье за рыбой, так как его друзья будут у него ужинать, и потому, как только мы наловим рыбы, я должен принести её к нему домой. Я повиновался.

Вот тут-то у меня блеснула опять моя давнишняя мысль о побеге. Теперь в моём распоряжении было маленькое судно, и, как только хозяин ушёл, я стал готовиться, но не для рыбной ловли, а в дальнюю дорогу, хотя не только не знал, но даже и не думал о том, куда я направлю свой путь: всякая дорога была для меня хороша, лишь бы уйти из неволи.

Первым моим ухищрением было внушить мавру, что нам необходимо запастись едой, так как нам не пристало поль-

зоваться припасами для хозяйских гостей. Он ответил, что это справедливо, и притащил на баркас большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды. Я знал, где стоит у хозяина ящик с винами (судя по ярлычкам на бутылках — добыча с какого-нибудь английского корабля), и покуда мавр был на берегу, я переправил все бутылки на баркас и поставил в шкафчик, как будто они были ещё раньше приготовлены для хозяина. Кроме того, я принёс большой кусок воску, фунтов в пятьдесят весом, да прихватил моток бечёвки, топор, пилу и молоток. Всё это очень нам пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи. Я пустил в ход ещё и другую хитрость, на которую мавр тоже попался по простоте своей души. Его имя было Измаил, но все его звали Мали или Мули. Вот я и сказал ему:

— Мали, у нас на баркасе есть хозяйские ружья. Что, если б ты добыл немножко пороху и дроби? Может быть, нам удалось бы подстрелить себе на обед несколько альками (птица вроде нашего кулика). Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

— Хорошо, я принесу, — сказал он и притащил большой кожаный мешок с порохом (фунта в полтора весом, если не больше) да другой с дробью, фунтов в пять или шесть. Он захватил также и пули. Всё это мы сложили в баркас. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось ещё немного пороху, который я пересыпал в одну из стоявших в ящике почти пустую бутылку, перелив из неё остатки вина в другую. Таким образом, мы запаслись всем необходимым для путешествия и вышли из гавани на рыбную ловлю. В сторожевой башне, что стоит у входа в гавань<sup>1</sup>, знали, кто мы такие, и наше судно не привлекло внимания. Отойдя от берега не больше как на милю,

---

<sup>1</sup> При входе в гавань города Сале действительно находилась крепостная башня, окружённая хорошо укрепленными стенами. Вид этой крепости представлен на особом рисунке в книге Джона Огильби, откуда эту топографическую подробность и заимствовал Дефо.



мы убрали парус и стали готовиться к ловле. Ветер был северо-северо-восточный, что не отвечало моим планам, потому что, дуй он с юга, я мог бы наверняка доплыть до испанских берегов, по крайней мере до Кадикса; но откуда бы он ни дул, я твёрдо решил одно: убраться подальше от этого ужасного места, а потом будь что будет.

Поудив некоторое время и ничего не поймав — я нарочно не вытаскивал удочки, когда у меня рыба клевала, чтобы мавр ничего не видел, — я сказал:

— Тут у нас дело не пойдёт; хозяин не поблагодарит нас за такой улов. Надо отойти подальше.

Не подозревая подвоха, мавр согласился и поставил паруса, так как он был на носу баркаса. Я сел на руль

и, когда баркас отошёл ещё мили на три в открытое море, лёг в дрейф как будто затем, чтобы приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я подошёл к мавру сзади, нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами, вдруг обхватил его, поднял и швырнул за борт. Мавр мгновенно вынырнул, ибо плавал как пробка, и стал умолять, чтобы я взял его на баркас, клянясь, что поедет со мной хоть на край света. Он плыл так быстро, что догнал бы лодку очень скоро, тем более что ветра почти не было. Тогда я бросился в каюту, схватил охотничье ружье и, направив на него дуло, крикнул, что не желаю ему зла и не сделаю ему ничего дурного, если он оставит меня в покое.

— Ты хорошо плаваешь, — продолжал я, — на море тихо, и тебе ничего не стоит доплыть до берега; я тебя не трону; но только попробуй подплыть близко к баркасу, и я мигом прострелю тебе череп, потому что твёрдо решил вернуть себе свободу.

Тогда он повернул к берегу и, несомненно, доплыл до него без особого труда — пловец он был отличный.

Конечно, я мог бы бросить в море мальчика, а мавра взять с собою, но довериться ему было бы опасно. Когда он отплыл достаточно далеко, я повернулся к мальчику — его звали Ксури<sup>1</sup> — и сказал:

— Ксури! Если ты будешь мне верен, я сделаю тебя большим человеком, но если ты не погладишь своего лица в знак того, что не изменишь мне, то есть не

---

<sup>1</sup> Имя это, несомненно, восходит к арабскому языку. «Ксарам» или «ксурам» («ксур» — множественное число от «ксар» или «каср») называются ещё и сейчас в Марокко и Тунисе укрепленные деревни пустыни, островки обработанной земли и оседлой жизни посреди каменистых плато и песчаных дюн; слово это сохранилось и в названиях населённых местностей, например, Ксар-эс-Сук в Марокко, Ксур-Эссаф — в Тунисе и т.д. Это арабское слово также могло стать известным Дефо из какого-либо описания Северной Африки и в его понимании как собственное имя должно было, по-видимому, означать «выходца из деревни внутреннего Марокко».



поклонёшься бородой Магомета и его отца, я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и отвечал так чистосердечно, что я не мог не поверить ему. Он поклялся, что будет мне верен и поедет со мной на край света.

Пока плывущий мавр не скрылся из вида, я держал прямо в открытое море, лавируя против ветра. Я делал это нарочно, чтобы показать, будто мы идём к Гибралтарскому проливу (как, очевидно, и подумал бы каждый здравомыслящий человек). В самом деле, можно ли предположить, что мы намерены направиться на юг, к тем поистине варварским берегам, где целые полчища негров со своими челноками окружили и убили бы нас; где, стоило только ступить на землю, нас растерзали бы хищные звери или ещё более кровожадные дикие существа в человеческом образе?

Но как только стало смеркаться, я изменил курс и стал править на юг, уклоняясь слегка к востоку, чтобы не слишком удаляться от берегов. Благодаря довольно свежему ветерку и спокойствию на море мы шли таким хорошим ходом, что на другой день в три часа пополудни, когда впереди в первый раз показалась земля, мы были не менее чем на полтораста миль южнее Сале, далеко за пределами владений марокканского султана, да и всякого другого из тамошних владык; по крайней мере мы не видели ни одного человека. Но я набрался такого страха у мавров и так боялся снова попасться им в руки, что, пользуясь благоприятным ветром, целых пять дней плыл, не останавливаясь, не приставая к берегу и не бросая якоря. Через пять дней ветер переменился на южный, и, по моим соображениям, если за нами и была погоня, то к этому времени преследователи уже должны были от неё отказаться, поэтому я решился подойти к берегу и стал на якорь в устье какой-то маленькой речки. Какая это была речка и где она протекала, в какой стране, у какого наро-

да и под какой широтой, я не имел понятия. Я не видал людей на берегу, да и не стремился увидеть; главное для меня было — запастись пресной водой. Мы вошли в эту речку под вечер и решили, когда стемнеет, добраться вплавь до берега и осмотреть местность. Но как только стемнело, мы услышали с берега такие ужасные звуки, такой неистовый рёв, лай и вой неведомых диких зверей, что бедный мальчик чуть не умер со страху и молил меня не сходить на берег до наступления дня.

— Хорошо, Ксури, — сказал я, — но, быть может, днём мы там увидим людей, которые для нас, пожалуй, опаснее, чем тигры и львы.

— А мы бух-бух из ружья, — сказал он со смехом, — они и убегут.

От невольников-англичан Ксури научился говорить на ломаном английском языке. Я был рад, что мальчик так весел, и, чтобы поддержать в нём эту бодрость духа, дал ему стакан вина из хозяйских запасов. Совет его, в сущности, был недурён, и я последовал ему. Мы бросили якорь и простояли всю ночь, притаившись. Я говорю — притаившись, потому что мы ни минуты не спали. Часа через два-три после того, как мы бросили якорь, мы увидали на берегу огромных животных (каких — мы и сами не знали); они подходили к самому берегу, бросались в воду, плескались и барахтались, очевидно, чтобы освежиться, и при этом отвратительно визжали, ревели и выли; я в жизни не слышал ничего подобного.

Ксури был страшно напуган, да, правду сказать, и я тоже. Но ещё больше испугались мы оба, когда услышали, что одно из этих страшилищ плывёт к нашему баркасу; мы не видели его, но по тому, как оно отдувалось и фыркало, могли заключить, что это было свирепое животное чудовищных размеров. Ксури решил, что это лев (быть может, так оно и было, по крайней мере я не уверен в противном), и крикнул, что надо поднять якорь и уйти отсюда.



— Нет, Ксури, — отвечал я, — незачем подымать якорь; мы только вытравим канат подлиннее и выйдем в море; туда они за нами не погонятся. — Но не успел я это сказать, как увидел неизвестного зверя на расстоянии каких-нибудь двух вёсел от баркаса. Признаюсь, я немного оторопел, однако сейчас же схватил в каюте ружьё, и, как только я выстрелил, животное повернуло назад и поплыло к берегу.

Невозможно описать, что за адский рёв, вопли и завывания поднялись на берегу и дальше, в глубине материка, когда раздался мой выстрел. Это давало мне некоторое основание предположить, что здешние звери никогда не слыхали такого звука. Я окончательно убедился, что нам и думать нечего о высадке на берег ночью, но вряд ли возможно будет высадиться и днём: попасть в руки какого-нибудь дикаря не лучше, чем попасться в когти льву или тигру; по крайней мере эта опасность пугала нас несколько не меньше.

Тем не менее здесь или в другом месте, но нам необходимо было сойти на берег, ибо у нас не оставалось ни пинты воды. Но опять загвоздка была в том, где и как высадиться. Ксури объявил, что, если я его пущу на берег с кувшином, он постарается разыскать и принести пресную воду. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне и отчего ему не остаться в лодке, в ответе мальчика было столько глубокого чувства, что он подкупил меня навеки.

— Коли там дикие люди, — сказал он, — они меня скушать, а ты уплывать.

— Тогда вот что, Ксури, — сказал я, — отправимся вместе, а если там дикие люди, мы убьём их, и они не съедят ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику поесть сухарей и выпить глоток вина из хозяйского запаса, о котором я уже говорил; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме оружия да двух кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтоб не терять из виду баркаса, опасаясь, как бы вниз по реке к нам не спустились дикари в своих пирогах; но Ксури, заметив низинку на расстоянии приблизительно одной мили от берега, зашагал туда с кувшином. Вскоре я увидел, что он бежит назад. Подумав, что за ним гонятся дикари либо он испугался хищного зверя, я бросился к нему на помощь, но, подбежав ближе, увидел, что на плечах у него что-то лежит. Оказалось, он убил какого-то зверька вроде нашего зайца, но иной окраски и с более длинными ногами. Мы оба радовались такой удаче, и мясо убитого животного оказалось очень вкусным; но ещё больше я обрадовался, услышав от Ксури, что он нашёл хорошую пресную воду и не встретил диких людей.

Потом оказалось, что наши чрезмерные хлопоты о воде были напрасны: в той самой речке, где мы стояли, только немного повыше, куда не достигал прилив, вода



была совершенно пресная, и мы, наполнив кувшины, устроили пиршество из убитого зайца и приготовились продолжать путь, так и не обнаружив в этой местности никаких следов человека.

Я уже побывал однажды в этих местах, и мне было хорошо известно, что Канарские острова и острова Зелёного Мыса отстоят недалеко от материка. Но теперь у меня не было с собой приборов для наблюдений, и, следовательно, я не мог определить, на какой широте мы находимся; к тому же я не знал в точности или, во всяком случае, не помнил, на какой широте лежат эти острова, поэтому неизвестно было, где их искать и когда следует свернуть в открытое море, чтобы приплыть к ним; знай я

это, мне было бы нетрудно добраться до какого-нибудь из островов. Но я надеялся, что если я буду держаться вдоль берега, покамест не дойду до той части страны, где англичане ведут береговую торговлю, то я, по всей вероятности, встречу какое-нибудь английское купеческое судно, совершающее свой обычный рейс, и оно нас подберёт.

По всем моим расчётам, мы находились теперь против береговой полосы, что тянется между владениями марокканского султана и землями негров. Это пустынная, безлюдная область, где обитают одни только дикие звери: негры, боясь мавров, покинули её и ушли дальше на юг, а мавры нашли невыгодным заселять эти бесплодные земли; вернее же, что тех и других распугали тигры, львы, леопарды и прочие хищники, которые водятся здесь в несметном количестве. Таким образом, для мавров эта область служит только местом охоты, на которую они отправляются целыми армиями, по две, по три тысячи человек. Неудивительно поэтому, что на протяжении чуть ли не ста миль мы видели днём лишь безлюдную пустыню, а ночью не слышали ничего, кроме воя и рёва диких зверей.

Два раза в дневную пору мне показалось, что я вижу вдали Тенерифский пик — высочайшую вершину горы Тенериф, что на Канарских островах. Я даже пробовал сворачивать в море в надежде добраться туда, но оба раза противный ветер и сильное волнение, опасное для моего утлого судёнышка, принуждали меня повернуть назад, так что в конце концов я решил не отступать более от моего первоначального плана и держаться вдоль берегов.

После того как мы вышли из устья речки, нам ещё несколько раз пришлось приставать к берегу для пополнения запасов пресной воды. Однажды ранним утром мы стали на якорь под защитой довольно высокого мыска; прилив только ещё начинался, и мы ждали полной его силы, чтобы подойти ближе к берегу. Вдруг Ксури, у которого, видно, глаза были зорче моих, тихонько

окликнул меня и сказал, что нам лучше бы отойти от берега подальше.

— Глянь, какое страшилище вон там на пригорке крепко спит.

Я взглянул, куда он показывал, и действительно увидел страшилище. Это был огромной величины лев, лежавший на скате берега в тени нависшей скалы.

— Ксури, — сказал я, — ступай на берег и убей его.

Мальчик испугался.

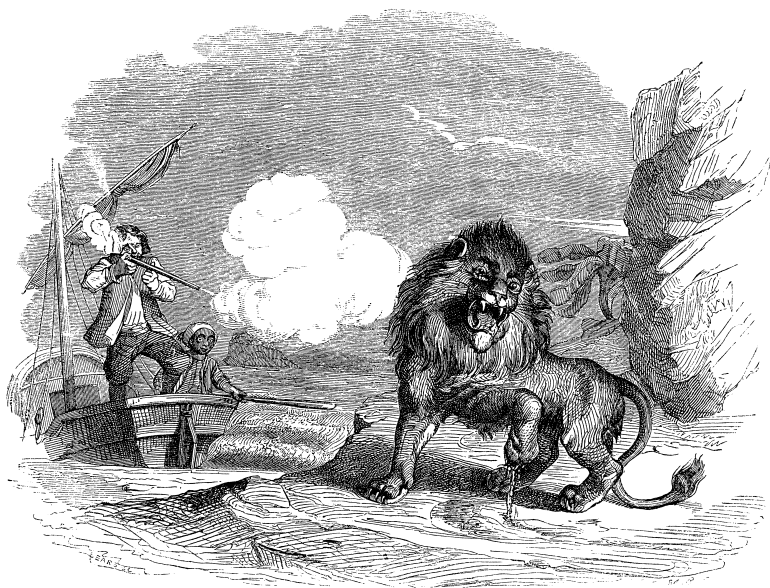
— Я его убить? — проговорил он. — Он меня съест одной глоткой. — Он хотел сказать — одним глотком.

Я не стал возражать, велел только не шевелиться и, взяв самое большое ружьё, по калибру почти равнявшееся мушкету, зарядил его двумя кусками свинца и порядочным количеством пороху; в другое я вкатил две большие пули, а в третье (у нас было три ружья) — пять пуль поменьше. Взяв первое ружьё и хорошенько прицелившись зверю в голову, я выстрелил; но он лежал, прикрыв морду лапой, и заряд попал ему в переднюю лапу и перебил кость выше колена. Зверь с рычанием вскочил, но, почувствовав боль, сейчас же свалился, потом опять поднялся на трёх лапах и испустил такой ужасный рёв, какого я в жизни своей не слышал. Я был немного удивлён тем, что не попал ему в голову, однако, не медля ни минуты, взял второе ружьё и выстрелил зверю вдогонку, так как он заковылял было прочь от берега; на этот раз заряд попал прямо в цель. Я с удовольствием увидел, как лев упал и, издавая какие-то слабые звуки, начал корчиться в борьбе со смертью. Тут Ксури набрался храбрости и стал проситься на берег.

— Ладно, ступай, — сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой и держа в другой ружьё. Подойдя вплотную к распростёртому зверю, он приставил дуло ружья к его уху и выстрелил, прикончив зверя.

Дичь была знатная, но несъедобная, и я очень жалел, что мы истратили даром три заряда. Но Ксури объявил,



что он поживится кое-чем от убитого льва, и, когда мы вернулись на баркас, попросил у меня топор.

— Зачем тебе топор? — спросил я.

— Отрубить ему голову, — ответил Ксури. Однако голову отрубить он не смог, а отрубил только лапу, которую и притащил с собой. Она была чудовищных размеров.

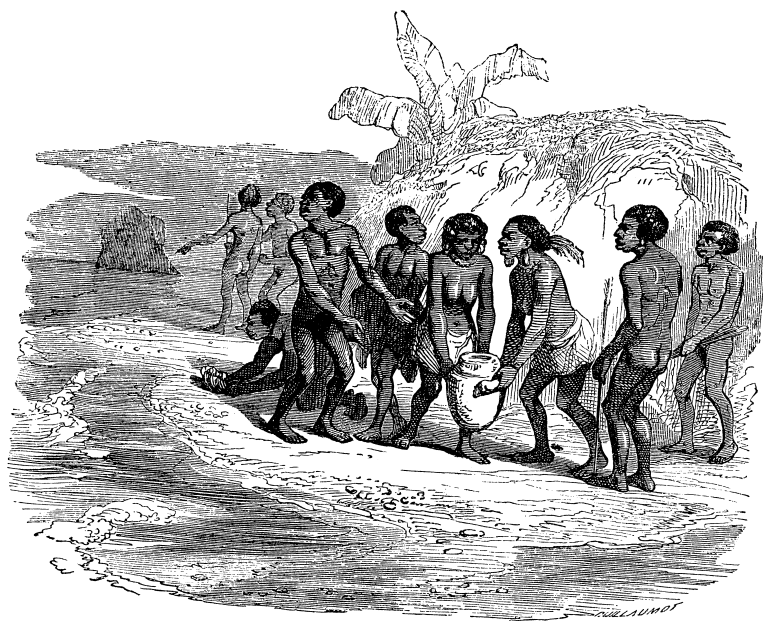
Тут мне пришло в голову, что, может быть, нам пригодится шкура льва, и решил попытаться снять её. Мы с Ксури подошли ко льву, но я не знал, как взяться за дело. Ксури оказался гораздо ловчее меня. Эта работа заняла у нас целый день. Наконец шкура была снята; мы растянули её на крыше нашей каютки; дня через два солнце как следует просушило её, и впоследствии она служила мне постелью.

После этой остановки мы ещё дней десять-двенадцать продолжали держать курс на юг, стараясь как можно экономнее расходовать наши запасы, начинавшие быстро таять, и сходили на берег только за пресной водой. Я хотел дойти до устьев Гамбии или Сенегала, иначе говоря,



приблизиться к Зелёному Мысу, где надеялся встретить какое-нибудь европейское судно: я знал, что, если этого не случится, мне останется либо блуждать в поисках островов, либо погибнуть здесь среди негров. Мне было известно, что все европейские суда, куда бы они ни направлялись — к берегам ли Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию, — проходят мимо Зелёного Мыса или островов того же названия; словом, я поставил всю свою судьбу на эту карту, понимая, что либо я встречу европейское судно, либо погибну.

Итак, ещё дней десять я продолжал стремиться к этой единственной цели. Постепенно я стал замечать, что побережье обитаемо; в двух-трёх местах, проплывая мимо, мы видели на берегу людей, которые главели на нас. Мы могли также различить, что они были чёрные, как смола, и совсем голые. Один раз я хотел было сойти к ним на берег, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал: «Не ходи, не ходи». Тем не менее я стал держать ближе к берегу, чтобы можно было вступить с ними в разговор. Они, должно быть, поняли моё намерение и долго бежали вдоль берега за нашим баркасом. Я заметил, что они не были вооружены, кроме одного, державшего в руке длинную тонкую палку. Ксури сказал мне, что это копьё и что дикари мечут копьё очень далеко и замечательно метко; поэтому я держался в некотором отдалении от них и, как умел, объяснялся с ними знаками, стараясь главным образом дать им понять, что мы нуждаемся в пище. Они знаками показывали мне, чтобы я остановил лодку и что они принесут нам мяса. Как только я спустил парус и лёг в дрейф, двое чернокожих побежали куда-то и через полчаса или того меньше принесли два куска вяленого мяса и немного зерна какого-то местного злака. Мы не знали, что это было за мясо и что за зерно, однако изъявили полную готовность принять и то и другое. Но тут мы стали в тупик: как получить всё это? Мы не решались сойти на берег, боясь дикарей, а они, в свою очередь, боялись нас несколько не



меньше. Наконец они придумали выход из этого затруднения, одинаково безопасный для обеих сторон: сложив на берегу зерно и мясо, они отошли подальше и стояли неподвижно, пока мы не переправили всё это на баркас, а затем воротились на прежнее место.

Мы благодарили их знаками, потому что больше нам было нечем отблагодарить. Но в ту же минуту нам представился случай оказать им большую услугу. Мы ещё стояли у берега, как вдруг со стороны гор выбежали два огромных зверя и бросились к морю. Один из них, как нам казалось, гнался за другим: был ли это самец, преследовавший самку, играли ли они между собою или грызлись, мы не могли разобрать, как не могли бы сказать и того, было ли это обычное явление в тех местах или исключительный случай; я думаю, впрочем, что последнее было вернее, так как, во-первых, хищные звери редко показываются днём, а во-вторых, мы заметили, что люди на берегу, особенно женщины, сильно перепугались. Только

человек, державший копьё или дротик, остался на месте; остальные пустились бежать. Но звери мчались прямо к морю и не намеревались нападать на негров. Они бросились в воду и стали плавать, словно купание было единственной целью их появления. Вдруг один из них подплыл довольно близко к баркасу. Я этого не ожидал; тем не менее, зарядив поскорее ружьё и приказав Ксури зарядить оба других, я приготовился встретить хищника. Как только он приблизился на расстояние ружейного выстрела, я спустил курок, и пуля попала ему прямо в голову; он мгновенно погрузился в воду, потом вынырнул и поплыл назад к берегу, то исчезая под водой, то снова появляясь на поверхности. Видимо, он был в агонии — он захлёбывался водой и кровью из смертельной раны и, не доплыв немного до берега, околел.

Невозможно передать, сколь поражены были бедные дикари, когда услышали треск и увидали огонь ружейного выстрела; некоторые из них едва не умерли со страху и упали на землю, точно мёртвые. Но, видя, что зверь пошёл ко дну и что я делаю им знаки подойти ближе, они ободрились и вошли в воду, чтобы вытащить убитого зверя. Я нашёл его по кровавым пятнам на воде и, закинув на него верёвку, перебросил конец её неграм, а те притянули её к берегу. Животное оказалось леопардом редкой породы с пятнистой шкурой необычайной красоты. Негры, стоя над ним, воздевали вверх руки в знак изумления; они не могли понять, чем я его убил.

Второй зверь, испуганный огнём и треском моего выстрела, выскочил на берег и убежал в горы; за дальностью расстояния я не мог разобрать, что это был за зверь. Между тем я понял, что неграм хочется поест мяса убитого леопарда; я охотно оставил его им в дар и показал знаками, что они могут взять его себе. Они всячески выражали свою благодарность и, не теряя времени, принялись за работу. Хотя ножей у них не было, однако, действуя заострёнными кусочками дерева, они сняли шкуру с мёр-

твого зверя так быстро и ловко, как мы не сделали бы этого и ножом. Они предложили мне мясо, но я отказался, объяснив знаками, что отдаю его им, и попросил только шкуру, которую они мне отдали весьма охотно. Кроме того, они принесли для меня новый запас провизии, гораздо больше прежнего, и я его взял, хоть и не знал, какие это были припасы. Затем я знаками попросил у них воды, протянув один из наших кувшинов, я опрокинул его вверх дном, чтобы показать, что он пуст и что его надо наполнить. Они сейчас же прокричали что-то своим. Немного погодя появились две женщины с большим сосудом воды из обожжённой (должно быть, на солнце) глины и оставили его на берегу, как и провизию. Я отправил Ксури со всеми нашими кувшинами, и он наполнил водой все три. Женщины были совершенно голые, как и мужчины.

Запасшись таким образом водой, кореньями и зерном, я расстался с гостеприимными неграми и в течение ещё одиннадцати дней продолжал путь в прежнем направлении, не приближаясь к берегу. Наконец милях в пятнадцати впереди я увидел узкую полосу земли, далеко выступавшую в море. Погода была тихая, и я свернул в открытое море, чтобы обогнуть эту косу. В тот момент, когда мы поравнялись с её оконечностью, я ясно различил милях в двух от берега со стороны океана другую полосу земли и заключил вполне основательно, что узкая коса — Зелёный Мыс, а полоса земли — острова того же названия. Но они были очень далеко, и, не решаясь направиться к ним, я не знал, что делать. Я понимал, что если меня застигнет свежий ветер, то я, пожалуй, не доплыву ни до острова, ни до мыса.

Ломая голову над этой дилеммой, я присел на минуту в каюте, предоставив Ксури править рулём, как вдруг услышал его крик: «Хозяин! Хозяин! Парус! Корабль!» Глупенький мальчишка перепугался до смерти, воображив, что это непременно один из кораблей его хозяина, посланный за нами в погоню; но я знал, как далеко ушли

мы от мавров, и был уверен, что нам не может угрожать эта опасность. Я выскочил из каюты и тотчас же не только увидел корабль, но даже определил, что он был португальский и направлялся, как я поначалу решил, к берегам Гвинеи за неграми. Но, присмотревшись внимательнее, я убедился, что судно идёт в другом направлении и не думает сворачивать к земле. Тогда я поднял все паруса и повернул в открытое море, решившись сделать всё возможное, чтобы вступить с ним в переговоры.

Я, впрочем, скоро убедился, что, даже идя полным ходом, мы не успеем подойти к нему близко и что оно пройдёт мимо, прежде чем мы успеем подать ему сигнал; мы выбивались из сил; но, когда я уже почти отчаялся, нас, очевидно, разглядели с корабля в подзорную трубу и приняли за лодку с какого-нибудь погибшего европейского судна. Корабль убавил паруса, чтобы дать нам возможность подойти. Я воспрянул духом. У нас на баркасе был кормовой флаг с корабля нашего бывшего хозяина, и я стал махать этим флагом в знак того, что мы терпим бедствие, и, кроме того, выстрелил из ружья. На корабле увидели флаг и дым от выстрела (самого выстрела они не слышали); корабль лёг в дрейф, ожидая нашего приближения, и спустя три часа мы причалили к нему.

По-португальски, по-испански и по-французски меня стали спрашивать, кто я, но ни одного из этих языков я не знал. Наконец один матрос, шотландец, заговорил со мной по-английски, и я объяснил ему, что я англичанин и убежал от мавров из Сале, где меня держали в неволе. Тогда меня и моего спутника пригласили на корабль со всем нашим грузом и приняли весьма любезно.

Легко себе представить, какой невыразимой радостью наполнило меня сознание свободы после того бедственного и почти безнадежного положения, в котором я находился. Я немедленно предложил всё своё имущество капитану в благодарность за моё избавление, но он великодушно отказался, сказав, что ничего с меня не возьмёт

и что всё будет возвращено мне в целости, как только мы придём в Бразилию.

— Спасая вам жизнь, — прибавил он, — я поступлю с вами так же, как хотел бы, чтоб поступили со мной, будь я на вашем месте. А это всегда может случиться. Кроме того, ведь мы завезём вас в Бразилию, а от вашей родины это очень далеко, и вы умрёте там с голоду, если я отниму всё, что у вас есть. Для чего же тогда мне было вас спасать? Нет, нет, сеньор инглезе (то есть англичанин), я доведу вас даром до Бразилии, а ваше имущество даст вам возможность прожить там и оплатить проезд на родину.

Капитан оказался великодушным не только на словах, но и на деле. Он распорядился, чтобы никто из матросов не смел прикасаться к моему имуществу, затем составил подробную его опись и взял всё это под присмотр, а опись передал мне, чтобы потом, по прибытии в Бразилию, я мог получить по ней каждую вещь, вплоть до трёх глиняных ковшиков.

Что касается моего баркаса, то капитан, видя, что он очень хорош, сказал, что охотно купит его для своего корабля, и спросил, сколько я хочу получить за него. На это я ответил, что он поступил со мной так великодушно во всех отношениях, что я ни в коем случае не стану назначать цену за свою лодку, а всецело предоставлю это ему. Тогда он сказал, что выдаст мне письменное обязательство уплатить за неё восемьдесят серебряных «восьмёриков»<sup>1</sup> в Бразилии, но что если по приезде туда кто-нибудь предложит мне больше, то и он даст мне больше. Кроме того, он предложил мне шестьдесят «восьмёриков» за мальчика Ксури. Мне очень не хотелось брать эти деньги, и не потому, чтобы я боялся отдать мальчика капитану, а потому,

---

<sup>1</sup> «Восьмёриком» (a piece of eight) называлась испанская серебряная монета, находившаяся в широком обращении в международной торговле XVIII в. Название своё эта монета получила оттого, что стоимость её равнялась восьми реалам (денежная единица, также употреблявшаяся в Бразилии).

что мне было жалко продавать свободу бедняги, который так преданно помогал мне самому добыть её. Я изложил капитану все эти соображения, и он признал их справедливость, но советовал не отказываться от сделки, говоря, что он выдаст мальчику обязательство отпустить его на волю через десять лет, если он примет христианство. Это меняло дело, а так как к тому же сам Ксури выразил желание перейти к капитану, то я и уступил его.

Наш переезд до Бразилии совершился вполне благополучно, и после двадцатидвухдневного плавания мы вошли в залив де Тодос-лос-Сантос<sup>1</sup>, иначе — залив Всех Святых. Итак, я ещё раз вышел из самого бедственного положения, в какое только может попасть человек, и теперь мне оставалось решить, что делать с собою.

Я никогда не забуду, как великодушно отнёсся ко мне капитан португальского корабля. Он ничего не взял с меня за проезд, аккуратнейшим образом возвратил мне все мои вещи, дал мне двадцать дукатов<sup>2</sup> за шкуру леопар-

---

<sup>1</sup> Хотя Дефо приводит как португальское название этого залива у берегов Бразилии, так и английский перевод этого названия, но несомненно, что он имеет в виду не только залив, но и портовый город при входе в этот залив — Байю, основанный португальцами в 1549 г. и долгое время бывший столицей Бразилии; город Байя имеет также и другое название: Сан-Сальвадор, которое Дефо упоминает ниже. История этой португальской колонии, несомненно, была достаточно подробно известна Дефо, так как она более тесно связана с колониальными устремлениями англичан в XVII–XVIII вв. С переходом Португалии под испанское владычество (в 1580 г.) Бразилия часто подвергалась вторжениям англичан, французов и голландцев. Голландцы прочно утвердились в Бразилии в 1630 г. и овладели Байей; они были изгнаны оттуда лишь в 1648 г. Этим объясняется разноплеменность европейских колонистов — «плантаторов» в Бразилии в XVII в., к которому отнесено действие в «Робинзоне Крузо», и, в частности, также отражённое в романе Дефо разнообразие денежных единиц, имевших в то время хождение в Бразилии.

<sup>2</sup> Дукáт — золотая монета, впервые появившаяся в Венеции в конце XIII в.; впоследствии дукаты чеканились во многих европейских странах; в данном случае имеются в виду нидерландские дукаты.



да и сорок за лъвиную шкуру и купил всё, что мне хотелось продать, в том числе ящик с винами, два ружья и остаток воску (часть его пошла у нас на свечи). Одним словом, я выручил около двухсот «восьмёриков» и с этим капиталом сошёл на берег Бразилии.

Вскоре капитан ввёл меня в дом одного своего знакомого, такого же доброго и честного человека, как он сам. Это был владелец «инхеньо»<sup>1</sup>, то есть, по местному наименованию, плантации сахарного тростника и сахарного завода при ней. Я прожил у него довольно долгое

---

<sup>1</sup> В оригинальном тексте, где это португальско-бразильское слово встречается несколько раз, оно везде напечатано с ошибкой: ingenio, вместо engenê (энженьо); так в Бразилии называют сахарный завод с плантацией сахарного тростника; бразильское «сеньор де энженьо» — помещик. Выше Дефо неточно транскрибировал обращение к Робинзону капитана португальского корабля, который должен был сказать «senhor inglese» — «сеньор инглезе», то есть «господин англичанин».



время и благодаря этому познакомился с культурой сахарного тростника и с сахарным производством. Видя, как хорошо живётся плантаторам и как быстро они богатеют, я решил хлопотать о разрешении поселиться здесь окончательно, чтобы самому заняться этим делом. В то же время я старался придумать какой-нибудь способ выписать из Лондона хранившиеся у меня там деньги. Когда мне удалось получить бразильское подданство, я на все мои наличные деньги купил участок неводеланной земли и стал составлять план моей будущей плантации и усадьбы, сообразуясь с размерами той денежной суммы, которую я рассчитывал получить из Англии.

Был у меня сосед, португалец из Лиссабона, по происхождению англичанин, по фамилии Уэлс. Он находился приблизительно в таких же условиях, как и я. Я называю его соседом, потому что его плантация прилегала к моей и мы с ним были в самых приятельских отношениях. У меня, как и у него, оборотный капитал был весьма невелик, и первые два года мы оба еле-еле могли прокормиться с наших плантаций. Но по мере того как земля возделывалась, мы богатели, так что на третий год часть земли была у нас засажена табаком, и мы разделили по большому участку под сахарный тростник к будущему году. Но мы оба нуждались в рабочих руках, и тут мне стало ясно, как неразумно я поступил, расставшись с мальчиком Ксури.

Но увы! Благоразумием я никогда не отличался, и неудивительно, что я так плохо рассчитал и в этот раз. Теперь мне не оставалось ничего более, как продолжать в том же духе. Я навязал себе на шею дело, к которому у меня никогда не лежала душа, прямо противоположное той жизни, о какой я мечтал, ради которой я покинул родительский дом и пренебрёг отцовскими советами. Более того, я сам пришёл к той золотой середине, к той высшей ступени скромного существования, которую советовал мне избрать мой отец и которой я мог бы достичь с таким же успехом, оставаясь на родине и не утомляя себя ски-

таниями по белу свету. Как часто теперь говорил я себе, что мог бы делать то же самое и в Англии, живя среди друзей, не забираясь за пять тысяч миль от родины, к чужеземцам и дикарям, в дикую страну, куда до меня никогда не дойдёт даже весточка из тех частей земного шара, где меня немного знают!

Вот каким горьким размышлениям о своей судьбе предавался я в Бразилии. Кроме моего соседа-плантатора, с которым я изредка виделся, мне не с кем было перекинуться словом; все работы мне приходилось исполнять собственными руками, и я, бывало, постоянно твердил, что живу, точно на необитаемом острове, и жаловался, что кругом нет ни одной души человеческой. Как справедливо покарала меня судьба, когда впоследствии и в самом деле забросила меня на необитаемый остров, и как полезно было бы каждому из нас, сравнивая своё настоящее положение с другим, ещё худшим, помнить, что провидение во всякую минуту может совершить обмен и показать нам на опыте, как мы были счастливы прежде! Да, повторяю, судьба наказала меня по заслугам, когда обрекла на ту действительно одинокую жизнь на безотрадном острове, с которой я так несправедливо сравнивал своё тогдашнее житьё, каковое, если б у меня хватило терпения продолжать начатое дело, вероятно, привело бы меня к богатству и счастью.

Мои планы относительно сахарной плантации приняли уже некоторую определённую к тому времени, когда мой благодетель — капитан, подобравший меня в море, должен был отплыть обратно на родину (его судно простояло в Бразилии около трёх месяцев, пока он готовил новый груз на обратный путь). И вот, когда я рассказал ему, что у меня остался в Лондоне небольшой капитал, он дал мне следующий дружеский и чистосердечный совет:

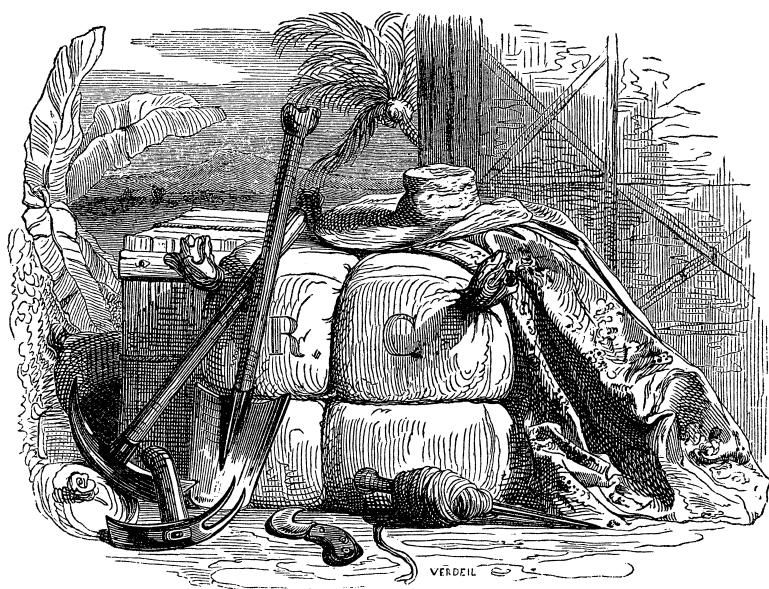
— Сеньор инглезе, — так он всегда меня величал, — дайте мне формальную доверенность и напишите в Лондон тому лицу, у которого хранятся ваши деньги.

Напишите, чтобы для вас там закупили товаров, таких, какие находят сбыт в здешних краях, и переслали бы их в Лиссабон по адресу, который я вам укажу; а я, если бог даст, вернусь и доставлю вам их в целости. Но так как дела человеческие подвержены всяким превратностям и бедам, то на вашем месте я взял бы на первый раз всего лишь сто фунтов стерлингов, то есть половину вашего капитала. Рискните сначала только этим. Если эти деньги вернутся к вам с прибылью, вы можете таким же образом пустить в оборот и остальной капитал, а если пропадут, так у вас по крайней мере останется хоть что-нибудь в запасе.

Совет был так хорош и так дружествен, что лучшего, казалось мне, нельзя и придумать, и мне оставалось только последовать ему. Поэтому я, не колеблясь, выдал капитану доверенность, как он того желал, и приготовил письмо к вдове английского капитана, которой когда-то отдал на сохранение свои деньги.

Я подробно описал ей все мои приключения: рассказал, как я попал в неволю, как убежал, как встретил в море португальский корабль и как человечно обошёлся со мной капитан. В заключение я описал ей настоящее моё положение и дал необходимые указания насчёт закупки для меня товаров. Мой друг-капитан тотчас по прибытии своём в Лиссабон через английских купцов переслал в Лондон одному тамошнему купцу заказ на товары, присоединив к нему подробнейшее описание моих походов. Лондонский купец немедленно передал оба письма вдове английского капитана, и она не только выдала ему требуемую сумму, но ещё послала от себя португальскому капитану довольно кругленькую сумму в виде подарка за его гуманное и участливое отношение ко мне.

Закупив на все мои сто фунтов английских товаров по указаниям моего приятеля-капитана, лондонский купец переслал их ему в Лиссабон, а тот благополучно доставил их мне в Бразилию. В числе других вещей он уже по собственному почину (ибо я был настолько новичком в моём деле,



что мне это даже не пришло в голову) привёз мне всевозможных сельскохозяйственных орудий, а также всякой хозяйственной утвари. Всё это были вещи, необходимые для работ на плантации, и все они очень мнегодились.

Когда прибыл мой груз, я был вне себя от радости и считал свою будущность отныне обеспеченной. Мой добрый опекун — капитан, кроме всего прочего, привёз мне работника, которого нанял с обязательством прослужить мне шесть лет. Для этой цели он истратил собственные пять фунтов стерлингов, полученные в подарок от моей покровительницы, вдовы английского капитана. Он наотрез отказался от всякого возмещения, и я уговорил его только принять небольшой тюк возвращённого мною табака.

И это было не всё. Так как все мои товары состояли из английских мануфактурных изделий — полотен, байки, сукон, вообще таких вещей, которые особенно ценились и требовались в этой стране, то я имел возможность распродать их с большой прибылью; словом, когда всё было распродано, мой капитал учетверился. Благодаря этому

я далеко опередил моего бедного соседа по разработке плантации, ибо первым моим делом после распродажи товаров было купить невольника-негра и нанять ещё одного работника-европейца, кроме того, которого привёз мне капитан из Лиссабона.

Но дурное употребление материальных благ часто является вернейшим путём к величайшим невзгодам. Так было и со мной. В следующем году я продолжал возделывать свою плантацию с большим успехом и собрал пятьдесят тюков табаку сверх того количества, которое я уступил соседям в обмен на предметы первой необходимости. Все эти пятьдесят тюков весом по сотне с лишним фунтов каждый лежали у меня просушенные, совсем готовые к приходу судов из Лиссабона. Итак, дело моё разрасталось; но по мере того, как я богател, голова моя наполнялась планами и проектами, совершенно несбыточными при тех средствах, какими я располагал: короче, это были такого рода проекты, которые нередко разоряют самых лучших дельцов. Останься я на поприще, мною же самым избранным, я, вероятно, дождался бы тех радостей жизни, о которых так убедительно говорил мне отец как о неизменных спутниках тихого, уединённого существования и среднего общественного положения. Но мне была уготована иная участь: мне по-прежнему суждено было самому быть виновником всех моих несчастий. И точно для того, чтобы усугубить мою вину и подбавить горечи в размышления над моей участью, на что в моём печальном будущем мне было отпущено слишком много досуга, все мои неудачи вызывались исключительной моей страстью к скитаниям, каковой я предавался с безрассудным упрямством, тогда как передо мной открывалась светлая будущность полезной и счастливой жизни, стоило мне только продолжать начатое, воспользоваться теми житейскими благами, которые так щедро расточало мне провидение, и исполнять свой долг.

Как когда-то, когда я убежал из родительского дома, так и теперь я не мог удовлетвориться настоящим. Я от-

казался от видов на будущее моё благосостояние, быть может, богатство, которое принесла бы работа на плантации, — и всё оттого, что меня одолевало жгучее желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства. Таким образом, я вверг себя в глубочайшую бездну бедствий, в какую, вероятно, не попадал ещё ни один человек и из какой едва ли можно выйти живым и здоровым.

Перехожу теперь к подробностям этой части моих походов. Прожив в Бразилии почти четыре года и значительно увеличив своё благосостояние, я, само собою разумеется, не только изучил местный язык, но и завязал большие знакомства с моими соседями — плантаторами, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам портового города. Встречаясь с ними, я часто рассказывал им о двух моих поездках к берегам Гвинеи, о том, как ведётся торговля с тамошними неграми и как легко там за безделицу — за какие-нибудь бусы, игрушки, ножи, ножницы, топоры, стекляшки и тому подобные мелочи — приобрести не только золотой песок и слоновую кость, но даже в большом количестве негров-невольников для работы в Бразилии<sup>1</sup>.

Мои рассказы они слушали очень внимательно, в особенности когда речь заходила о покупке негров. В то время, надо заметить, торговля невольниками была весьма ограничена, и для неё требовалось так называемое «асьенто»<sup>2</sup>, то есть разрешение от испанского или

---

<sup>1</sup> Ввоз невольников-негров на европейских кораблях из Африки в Бразилию начался с конца XVI в., вскоре после захвата и колонизации Бразилии португальцами, и продолжался непрерывно в XVII и XVIII вв.

<sup>2</sup> «Асьенто» (*исп.* asiento) — контракт, договор об откупе, об обложении налогом; это слово также означало привилегию на работоторговлю, выдававшуюся от имени испанского короля. В Англии это слово получило известность не ранее 1713 г., когда между испанским и английским правительствами был заключён так называемый «Договор об асьенто». «Договор об асьенто» действовал в течение всей жизни Дефо и был отменён только в 1739 г., всё это время служа поводом для постоянных пререканий между испанским и английским правительствами.

португальского короля; поэтому негры-невольники были редки и чрезвычайно дороги.

Как-то раз собралась большая компания: я и несколько человек моих знакомых — плантаторов и купцов, — и мы оживлённо беседовали на эту тему. На следующее утро трое из моих собеседников явились ко мне и объявили, что, пораздумав хорошенько над тем, что я им рассказал накануне, они пришли ко мне с секретным предложением. Затем, взяв с меня слово, что всё, что я от них услышу, останется между нами, они сказали, что у всех у них, как и у меня, есть плантации и что ни в чём они так не нуждаются, как в рабочих руках. Поэтому они хотят снарядить корабль в Гвинею за неграми. Но так как торговля невольниками связана с затруднениями и им невозможно будет открыто продавать негров по возвращении в Бразилию, то они думают ограничиться одним рейсом, привезти негров тайно, а затем поделить их между собой для своих плантаций. Вопрос был в том, соглашусь ли я поступить к ним на судно в качестве судового приказчика, то есть взять на себя закупку негров в Гвинее. Они предложили мне одинаковое с другими количество негров, причём мне не нужно было вкладывать в это предприятие ни гроша.

Нельзя отрицать заманчивости этого предложения, если бы оно было сделано человеку, не имеющему собственной плантации: за ней нужен был присмотр, в неё вложен был значительный капитал и со временем она обещала приносить большой доход. Но для меня, владельца такой плантации, кому стоило только ещё года три-четыре продолжать начатое, вытребовав из Англии остальную часть своих денег — вместе с этим маленьким добавочным капиталом моё состояние достигло бы трёх-четырёх тысяч фунтов стерлингов и продолжало бы возрастать, — для меня помышлять о подобном путешествии было величайшим безрассудством.

Но мне на роду было написано стать виновником собственной гибели. Как прежде я оказался не в силах побо-